

О некоторых методологических вопросах исследования современного российского общества

Каждый раз, когда мы собираемся, чтобы обсудить центральные проблемы развития России, я невольно вспоминаю наш первый симпозиум, проведенный в 1993 г. С тех пор общественная наука, как мне кажется, очень существенно продвинулась в понимании происходящих процессов, но тем не менее многое остается неясным. Освобождение общественной мысли от теоретико-идеологического монизма, наряду с позитивными результатами, в ряде случаев привело к необоснованному отказу и от правильных представлений, выработанных на базе марксизма. Временно возникшая методологическая пустота заполнилась западными теориями, хотя и представляющими бесспорную ценность, но отражающими иную реальность и не могущими служить эффективным средством анализа постсоциалистических обществ.

В этих условиях большинству ученых приходится использовать полипарадигмальный подход, самостоятельно конструируя Методологию исследования на базе разных теорий, включая марксизм. Однако такой подход таит опасность эклектики, а главное, не обеспечивает методологического единства, необходимого для создания целостной картины социальной реальности. Фундаментальное решение проблемы может быть достигнуто лишь путем разработки специализированной теории постсоциалистических процессов, учитывающей как общие достижения современной общественной мысли, так и особенности изучаемого предмета. Такая теория по определению должна быть междисциплинарной, поскольку постсоциалистические изменения затрагивают все сферы жизнедеятельности общества и все стороны общественного сознания. Не случайно их осмыслением занимаются экономисты, социологи, политологи, философы, историки, культурологи, психологи и многие другие специалисты.

В связи с этим особую актуальность приобретает, на мой взгляд, проблема научного языка. Здесь мы сталкиваемся с двумя бедами или, скорее, с одной бедою "в квадрате". Во-первых, общепризнанные научные языки, способные адекватно описывать постсоциалистическую действительность, не созданы даже внутри

большинства дисциплин, так что для обозначения одних и тех же понятий часто используются разные термины, а одними и теми же терминами обозначаются существенно разные понятия. Во-вторых, тем более не создан "сквозной" язык, описывающий те основополагающие понятия, которые используются в большинстве общественных дисциплин, связывают их друг с другом и в конечном счете обеспечивают целостное видение изучаемой реальности. Потребность в формировании такого языка, на мой взгляд, весьма велика. Знакомясь с трудами некоторых ученых, равно как и пытаюсь облекать в языковую форму собственные идеи, нередко вспоминаю строки Маяковского: "Улица корчится безъязыкая, ей нечем кричать и разговаривать!"

Наши симпозиумы с самого начала задумывались как встречи специалистов разного профиля, ведь Интерцентр создавался не как международный, а как междисциплинарный центр социальных наук. И что-то в этом направлении безусловно достигнуто, не случайно сборники статей "Куда идет Россия?.." с каждым годом пользуются все большим спросом. Однако в практике работы симпозиумов ощущается другая тенденция, а именно стремление "разбежаться" по секциям, чтобы встретиться с коллегами своего узкого профиля для чисто профессиональных дискуссий. По существу, здесь сталкиваются две научные ценности: глубина и профессионализм обсуждения versus широта, многосторонность, целостности и междисциплинарности дискуссии. Ясно, что обе эти ценности важны. Но, на мой взгляд, движение в первом направлении заметно опережает продвижение во втором. В результате темпы создания целостной междисциплинарной картины изучаемой социальной реальности отстают от темпов формирования частных картин, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на их глубине и качестве.

В связи с этим я бы хотела поставить несколько общих вопросов, адресованных междисциплинарному сообществу исследователей постсоветских преобразований. Мне кажется, что эти вопросы пока не имеют убедительного решения, в том числе и из-за неразвитости соответствующего научного языка, поэтому их обсуждение было бы полезно.

Первый вопрос: в чем заключается главное содержание постсоветских трансформационных процессов? На основе каких критериев следует оценивать их результаты?

Согласно сложившейся традиции, итоги постсоциалистических перемен оцениваются на основе либо институциональных, либо социокультурных и культурных критериев, совместное же использование тех и других встречается редко. Как мне кажется, это обстоятельство не случайно, поскольку использование институциональных критериев позволяет представителям власти говорить

хотя бы о каких-то успехах (например, об освоении норм демократии, приватизации госсобственности, развитии рынка и пр.), в то время как социоструктурные и культурные показатели скорее свидетельствуют о деградиционных тенденциях. Между тем эти критерии вовсе не равноценны. Преобразование институтов (как правил игры) носит инструментальный характер, сдвиги же в социальной структуре и в культуре общества отражают конечные результаты трансформации. Раздельное использование названных типов критериев разными группами политиков и ученых, по существу, исключает возможность их содержательного диалога: стороны просто "не слышат" друг друга. Конструктивное обсуждение вопроса о том, куда шла и к чему пришла Россия, возможно лишь при условии взаимосвязанного рассмотрения как институциональных перемен (изменения правил игры), так и обусловленных ими сдвигов в социальной структуре и культуре общества (т.е. конечных результатов игры).

Второй вопрос: насколько глубоко изменилось российское общество за последние десять лет; изменился ли за это время его качественный тип и как именно?

Ответить на этот вопрос нельзя без определения того типологического пространства, в котором перемещается общество. Для анализа происходивших в советской и происходящих в современной России процессов чаще всего используют типологии, выработанные в других условиях и для решения других проблем. Наиболее популярны формационный и модернизационный подходы. Согласно первому, суть социальных преобразований в России интерпретируется в терминах "капитализм—социализм—капитализм", согласно второму — в понятиях "традиционное—современное—постсовременное (информационное) общество". Между тем ни та, ни другая группа понятий не отражает сути реально наблюдаемых сдвигов в общественном устройстве страны.

Возьмем хотя бы определения социально-классовой сути советского общества, становление и развитие которого заняло большую часть XX в. Часть ученых до сих пор утверждает, что оно было социалистическим и в этом смысле представляло более высокую ступень развития, чем капитализм; другая часть более острожно называет это общество государственно-социалистическим или обществом реального социализма (мол, какое уж получилось, такое и получилось), третья полагает, что в СССР имел место специфический тип государственного капитализма, а некоторые авторы идентифицируют советский строй с фашизмом. Ясно, что это влечет за собой столь же резкие расхождения в оценках содержания постсоветских процессов. Думается, что эта картина отражает не только многообразие идеологических установок, но и принципи-

альную непригодность теории общественно-экономических формаций для исследования многих процессов XX в., в том числе становления и распада советского общества. Аналогично обстоит дело и с теорией модернизации: с советской историей она коррелирует лишь частично, а с постсоветской не коррелирует вовсе. Несформированность общенаучного представления о типологическом пространстве, в котором протекает постсоветский трансформационный процесс, по сути, исключает возможность ответить на поставленный выше вопрос. Как ученые, так и подавляющее большинство россиян понимают, что общество стало качественно иным по сравнению с 80-ми годами, но обобщенной характеристики произошедших качественных изменений наука пока еще не дала.

Отсюда третий вопрос: как в принципе выглядит признаковое пространство, в котором протекают постсоциалистические процессы?

Думается, что структура этого пространства должна задаваться такими институциональными характеристиками обществ, которые, во-первых, отражают главные направления преобразований и, во-вторых, в наибольшей мере дифференцируют изучаемые общества. Анализ положения и перемещения конкретных постсоциалистических обществ в таком пространстве позволил бы не только более адекватно и комплексно оценить результаты трансформационных процессов, но и выделить идеальные и реальные типы их состояний. Однако решение этой задачи требует разработки специальной системы понятий.

Я бы не сказала, что российские ученые уделяют мало внимания разработке этой проблемы. Изучая современные трансформационные процессы, многие из них либо явно, либо латентно конструируют социально-типологические пространства, позволяющие, по их мнению, наиболее точно отразить происходящие сдвиги. Очень интересна, на мой взгляд, статья М.А.Чешкова "Дореволюционная Россия и Советский Союз: Анализ преемственности и разрыва"¹, где сделана попытка выделить и сравнить наиболее принципиальные качественные характеристики названных обществ. Тем самым выстраивается типологическое пространство, в котором фиксируются исходное положение, пройденная траектория и конечное положение общества (в советский период). На более конкретном уровне в названном направлении работают Л.А.Гордон², В.М.Сергеев, Н.И.Новиков³ и многие другие ученые. Развиваемые

¹ Чешков М.А. Дореволюционная Россия и Советский Союз: Анализ преемственности и разрыва // ОСН. 1997. № 1. С. 92—104.

² Гордон Л. А. Область возможного. Варианты социально-политического развития России. М., 1995.

³ Сергеев В. М., Новиков Н.И. В чем секрет "современного" общества? // Полис. 1998. № 2.

ими концепции отражают важные элементы реальности и дают богатую пищу для размышлений. Но, как правило, они носят либо чрезмерно общий, либо, напротив, частный характер, общее же решение рассматриваемой проблемы, как мне кажется, еще не найдено. Иными словами, целостный принимаемый большинством ученых образ постсоциалистического трансформационного пространства, в котором соответствующие национальные общества движутся по своим траекториям, к настоящему времени не сформирован.

В качестве конкретных критериев результативности трансформационных процессов чаще всего называют сдвиги в структуре политической власти (ось "авторитаризм—демократия") и в характере экономических отношений (ось "централизованное распределение—рынок"). Действительно, эти характеристики очень важны, но ограничиваться ими, как это нередко делается, на мой взгляд, и в коем случае нельзя, в противном случае можно упустить главное. Особенно большое значение для оценки результатов происходящих в нашей стране перемен имеет правовое состояние общества (ось "криминальное—правовое общество") как комплексная характеристика качества права, правосудия, правопорядка и правосознания граждан. Возможно, отдельно стоит выделить ось, отражающую уровень инновационности общества (в частности, состояние образования, науки, телекоммуникаций, венчурного производства, структур гражданского общества и др.), без существенного повышения которого нет никаких оснований надеяться на становление в России информационного общества, пусть даже в отдаленном будущем¹.

Четвертый вопрос: каковы принципиальные результаты общественных преобразований в России 90-х годов?

Главными результатами постсоветских преобразований в России принято считать демократизацию политического управления страной, приватизацию государственной собственности и развитие рынка; сдвиги же в других сферах общественной жизни рассматриваются скорее как вторичные, производные. Но такая расстановка акцентов отвлекает внимание общества от процесса, не в меньшей, если не в большей мере меняющего его природу. Я имею в виду распад даже тех элементов правового государства, которые успели сформироваться к концу 80-х годов, и все большую криминализацию власти и общества, угрожающую как национальной безопасности России, так и личной безопасности ее граждан.

Тот факт, что в стране прекращены массовые политические репрессии и значительно расширены политические свободы заслуживает высокой оценки: люди получили возможность свободно ду-

¹ *Фоатов А.* Россия. От мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993.

мать и обсуждать волнующие их вопросы. Осваиваются нормы формальной демократии. Но власть по-прежнему остается авторитарной, неподконтрольной обществу, а социальная пропасть между ней и народом стала намного глубже, чем прежде. Неправовой и аморальный раздел общественного богатства между крупнейшими собственниками и олигархами привел к окончательному отчуждению большинства населения от производительной собственности, стагнации предпринимательства, кризису инвестиций, разворовыванию и вывозу национальных богатств за рубеж, распаду производства и ослаблению экономических позиций России в мировом сообществе. Большинство россиян лишилось даже тех ограниченных гарантий, социально-экономических прав и свобод, которые имелись прежде. Массовая нисходящая социальная мобильность при фактически перекрытых каналах восходящей мобильности привела к резкому ухудшению материального и социального положения граждан. Налицо и социокультурный регресс: на огромных территориях провинциальной России происходит архаизация общественных отношений, форм жизнедеятельности людей. Денежное обращение вытесняется натуральным обменом; возрождаются доиндустриальные формы труда; наиболее квалифицированные кадры либо уезжают за рубеж, либо депрофессионализируются; образ жизни людей становится более примитивным; падает уровень физического и психического здоровья нации, рзрушается ее генофонд; деградируют наука, образование, культура, мораль.

Все эти хорошо известные явления обычно оцениваются как "высокая социальная цена реформ". Но в нормальных условиях цены соответствуют качеству товаров. Вопрос же о том, за что заплачена такая цена российским обществом, для меня лично остается открытым. На страницах российской печати так "черно" от критических оценок происходящего, что к ним трудно что-то добавить. И если я говорю об этом здесь и сейчас, то потому, что, на мой взгляд, наша наука все еще не дала той объективной, обобщенной и взвешенной оценки принципиальных результатов реформ, которой общество в праве ждать от нее. Выработать же такую оценку можно лишь коллективно, прежде всего на таких форумах, как этот.

Пятый вопрос касается механизма процесса постсоциалистических преобразований. Часть ученых представляет его как целенаправленный переход общества из исходного в некое новое состояние, другая же часть считает, что он имеет преимущественно спонтанный характер, и обозначает его термином трансформация. Разница между этими представлениями принципиальна. Дело в том, что любой переход предполагает знание конечной цели и ведущего к ней пути. Поэтому концепция перехода фиксирует внимание в первую очередь на достоинствах и недостатках тех институциональных систем, из кото-

рых якобы можно выбрать по своему усмотрению наилучшую. Однако осуществление таких "переходов" возможно лишь социальным субъектам, обладающим совершенно особыми качествами. Ими могут быть либо харизматические личности (как, например, пророк Моисей), либо правящие элиты, пользующиеся общенациональным доверием и способные вести за собой послушные и преданные им народные массы. Между тем в современной России ни один политик не обладает харизмой, а элита полностью отчуждена от народа, точно так же, как он от нее. Отсутствует общее для большинства граждан представление о рациональном устройстве будущего российского общества. Абсолютно не ясны пути выхода из острейшего системного кризиса. О каком же целенаправленном переходе к новому типу общества можно здесь говорить?

Понятие трансформация, в отличие от концепции перехода, подчеркивает зависимость общественных сдвигов от действий не только реформаторов, но и множества социальных субъектов, функционирующих в дезорганизованной институциональной среде. Отсюда — слабая управляемость процесса, его зависимость не только и не столько от мер, принимаемых правящими элитами, сколько от восприятия этих мер массовыми слоями общества, их ответных социальных действий. Спонтанный характер трансформационного процесса, его зависимость от множества факторов разной природы обуславливают непредсказуемость его результатов. Конечно, проблема стратегических ориентиров не снимается и при этом подходе, но на первый план выдвигается задача сохранения Политической и социальной стабильности.

Образно говоря, "переход" можно сравнить с переправой через широкую, но спокойную реку, когда и цель и средства ее достижения одинаково ясны. Управление же трансформирующимся обществом более сходно со спуском по неизвестной реке, где общее направление движения практически не зависит от кормчего, главная задача которого — не дать лодке перевернуться, выдержать все удары и в конце концов пристать к какому-то берегу. Полагаю, что Россия сейчас находится именно в таком положении.

Шестой вопрос: пережила ли Россия в последнем десятилетии социальную революцию, и если да, то какую?

В конце 80-х годов ощущение революционности общественного подъема было настолько сильным, что я назвала предназначенную зарубежным читателям книгу "Вторая социалистическая революция"¹. Происходившие события представлялись тогда попыткой революционного, т.е. инициируемого "снизу" вопреки сопротивлению "верхов", изменения социальной природы советского общества

¹ *Zaslavskaya T.I. The Second Socialist Revolution. An Alternative Soviet Strategy. L., N.Y., 1990.*

путем перехода от государственно-бюрократического к демократическому типу социализма, ориентированному на сочетание общественных интересов с личными интересами граждан. Однако демократические силы оказались неподготовленными к решению столь сложной задачи. Они не были организованы, не имели программы, да и просто не знали, как надо действовать. В результате плоды революционного прорыва достались не демократам, а относительно либеральному крылу все той же номенклатуры. Последняя провела частичные либерально-демократические реформы традиционным для России методом "сверху", чем дело и кончилось. Таким образом, намечавшаяся социальная революция не состоялась. Хотя ее волны время от времени и вздымались сравнительно высоко, но затем каждый раз опадали, не обеспечив решения главных задач.

Таков один взгляд на эту проблему, но не менее правомерен и другой. Как я уже говорила, большинство наших сограждан считают, что современное российское общество принципиально отлично от советского. И с этим трудно не согласиться, хотя реальное содержание социальных преобразований оказалось весьма далеким от того, что замыслили отцы-реформаторы. Не означает ли это, что в стране все-таки совершилась социальная революция, но в силу неожиданности ее содержания (ожидалось совсем другое) ее как бы "не заметили", не осознали в качестве таковой?

Стоит отметить, что наиболее признанные социологические определения революций в основном соответствуют тому, что происходило в России в 90-х годах. То же самое можно сказать и о выделяемых специалистами типичных стадиях революций. Попытка сопоставить эти стадии с нашими историческими реалиями подвела меня к выводу, что пережив либерально-демократическую революцию 1991—1992 гг., Россия с конца 1993 г. вступила в период своего "термидора". Иными словами, пройдя через очередную неудавшуюся попытку революционного решения проблем, она вступила в период контрреволюционной реакции. Социологи описывают его как "излечение от революционной горячки, когда эксцессы радикалов осуждаются и акцент смещается с политических изменений на экономический прогресс и формирование структуры стабильных институтов"¹. Не будучи историком и специалистом в области революций, я не решаюсь делать окончательных выводов, но сам вопрос представляется важным как теоретически, так и практически. Ведь правильное понимание типа изучаемого процесса и стадии, на которой он находится, определяет понимание сути момента и перспектив последующего развития. Проф. В.Л.Данилов уже высказался по этому вопросу, хотелось бы узнать мнения и других участников симпозиума.

¹ *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 373—374.

Седьмой вопрос и последний: какие социальные силы определяют конкретную траекторию и результаты преобразования российского общества?

Трансформация общества является результатом взаимодействия множества социальных субъектов — индивидов, организаций и групп, совокупность которых можно рассматривать в качестве макросубъекта самореформирования общества. Специфический срез социальной структуры общества, отражающий расстановку сил, заинтересованных и борющихся за разные траектории общественного развития, можно называть трансформационной структурой общества, существующей "на равных правах" с экономической, демографической, этнической и другими частными структурами¹.

Введение данного понятия представляется перспективным и в теоретическом, и в практическом отношениях. Но оно порождает ряд конкретных вопросов, в частности:

является ли трансформационная структура общества целостной, т.е. можно ли и на основе каких критериев, выделить структурные элементы общества, идентифицируемые в качестве "движущих сил" трансформации?

если считать, что "атомами" трансформационной структуры служат индивиды-личности, то каковы формирующие ее "молекулы"? Являются ли таковыми реальные группы (семьи, соседства, трудовые коллективы, организации) или социальные классы, слои, промышленно-финансовые империи, политические партии, общественные движения и пр.?

какова трансформационная структура современной России, и обеспечивает ли она тот уровень преобразовательного потенциала, который необходим для выхода общества на путь устойчивого развития?

и, наконец, каково обратное влияние происшедших институциональных сдвигов на трансформационную структуру России? Повысился или упал социально-инновационный потенциал российского общества, измеряемый уровнем социального участия граждан; сплоченностью и дееспособностью элит; мощностью и инновационной активностью средних слоев, развитостью гражданского общества, легитимностью и эффективностью государства?

Как видим, вопросов очень много, а ответов на них еще больше, том числе и противоположных. Общественная мысль работает интенсивно, и я уверена, что этот симпозиум ознаменуется новым ее продвижением.

¹ Заславская Т.И. О социально-трансформационной структуре современного российского общества // Общество и экономика. 1999. № 3—1.